

ДВ 91
Е-509

Ю. Л. ЕЛЕЦЪ.

АМУРСКАЯ ГЕРОИНЯ.

При осадѣ Благовѣщенска
Китайцами.

ИЗДАНИЕ 8-Е.

МОСКВА.

типографія А. С. ЗАБАЛУЕВА, Мясницкая, д. Худ.-Пром. Музея.
1901.

Ю. Л. ЕЛЕЦЪ.

ДВ 91
Е-509

АМУРСКАЯ ГЕРОИНЯ.

При осадѣ Благовѣщенска
Китайцами.

ИЗДАНИЕ 8-Е

1298952

МОСКВА,
типографія А. С. Забалуева, Мясницкая, д. Худ.-Пр. Музея.
1901 г.

Анастасія Исаевна

ЮДИНА.

(При оборонѣ Благовѣщенска).

Музею Этно
Кавказскому
Казанскому

и Императорскому

ПОСВЯЩАЕТСЯ

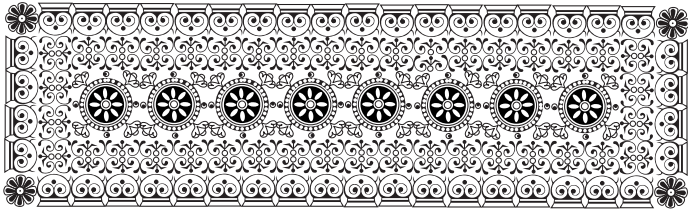
Кавказскому
РУССКИМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

В. В. В.

Спб.

1909.

Здѣсь.

Отъ Автора.

Трехнедѣльная осада Благовѣщенска въ послѣднюю Китайскую войну явилась событіемъ, небывалымъ въ исторіи. Дѣйствительно, съ сотворенія міра не было еще примѣра, чтобы граждане города подверглись бомбардировкѣ на праздничномъ гуляньѣ, начатой врагомъ, изъ за границы, на разстояніи 400 сажень съ возведенныхъ имъ для этой цѣли батарей и ложементовъ на противоположномъ берегу Амура. Естественнымъ слѣдствіемъ такого явленія была всеобщая паника, а потомъ, какъ реакція, подъемъ народнаго духа и лихорадочная дѣятельность по приведенію къ оборонѣ подъ дождемъ пуль и снарядовъ совершенно беззащитнаго города, изъ котораго даже уведены были почти всѣ войска.

И вотъ, въ эти критическія минуты, когда всѣ потеряли голову, когда чуть не руками

пришлось рыть ложементы, изъ среды благо-вѣщенцевъ явилась женщина, подвигъ которой затмилъ прославленную и причисленную къ лику святыхъ Жанну д'Аркъ, и это не фраза. Достаточно сказать, что Анастасія Исаевна Юдина переправила къ назначеннымъ мѣстамъ на разстояніи двухъ верстъ вверхъ по теченію двадцать шесть большихъ лодокъ, осыпаемая въ теченіи трехъ часовъ непрерывнымъ дождемъ пуль и снарядовъ, выпускаемыхъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажений.

Несомнѣнно, подвигъ Жанны д'Аркъ блѣднѣетъ передъ самоотверженіемъ Юдиной. Первая вдохновенная, т. е. по просту истеричная, дѣвушка подняла мечъ на защиту родины, увлекая за собой своихъ согражданъ иодъ гипнозомъ божественныхъ голосовъ, преслѣдовавшихъ юную пастушку въ ея мечтательныхъ грезахъ, и эти болѣзненные сны юности вылились въ активную силу иодъ ударами англичанъ, наносимыми дорогой ей Франціи. Наша же героиня смотрѣла на свое дѣло сквозь призму лишь печальной необходимости, взявшись за ружье и багоръ въ силу неожиданно нагрянувшей и неминуемой опасности. Никакихъ небесныхъ голосовъ она не слышала, кромѣ язвительныхъ насмѣшекъ и брани по ея адресу и кого же,—своихъ согражданъ у которыхъ не хватило духу на трудное дѣло, и за него должна была взяться женщина.

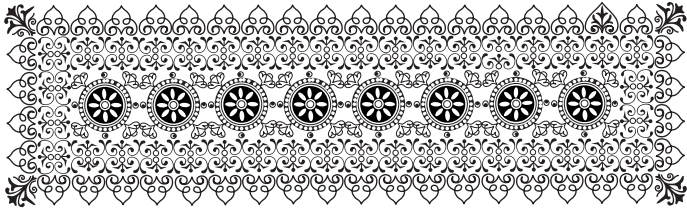
Очевидно такое напутствіе на вѣрную смерть могло не вдохновить героиню, а только отнять ту рѣдкую силу духа, который повлекъ ее на подвигъ.— Но она не смутилась этими проводами и, подъ градомъ пуль и снарядовъ съ вражеской и насмѣшекъ съ родной

стороны, принялась за дѣло, чуть ли не въ нѣсколькихъ шагахъ отъ врага, такъ какъ вслѣдствіе обмелѣнія Амура пришлось ей проводить лодки подъ китайскимъ берегомъ на разстояніи цѣлыхъ двухъ верстъ. Пули изрѣшители ея платье — руки распухли и были всѣ въ крови отъ трехчасовыхъ, нечеловѣческихъ усилій справляться съ тяжелыми ладьями и сильнымъ теченіемъ, но важное дѣло доставки лодокъ, для переправы войскъ на другую сторону рѣки, было сдѣлано этой удивительной женщиной, упавшей на землю въ изнеможеніи при оглушительномъ „ура“ благоговѣнцевъ, толстокожесть которыхъ была, наконецъ, пронята!

Какъ всегда у насъ на Руси бываетъ, о ней тотчасъ же всѣ позабыли. Говорили, что кто то къ чему то ее представилъ, въ газетахъ появились короткія замѣтки, изображавшія подвигъ Юдиной въ искаженномъ видѣ, скорѣе какъ какой то смѣшной курьезъ, и дѣло тѣмъ и кончилось.— Героиня, отбывъ затѣмъ трудную сторожевую службу, въ ложементяхъ, съ ружьемъ въ рукахъ, по окончаніи осады скинула свой мужской костюмъ, взялась по старой привычкѣ за стряпню и няньченье дѣтей, и сама позабыла о томъ, что она сдѣлала. Она вышла въ трудную, опасную минуту изъ толпы и, исполнивъ требуемое, скромно въ ней затерялась, неоцѣненная никѣмъ: ни тѣми, кому надлежало поставить ея рѣдкій подвигъ на должную высоту и установить настоящую точку зрѣнія на все, ею совершенное, ни своими согражданами, не дозрѣвшими еще до національнаго самосознанія.

Что же касается доблестнаго сподвижника А. И. Юдиной *), то къ великому сожалѣнію, мнѣ, не смотря на всѣ попытки, не удалось узнать его имени. Установленъ былъ только фактъ, что онъ принадлежалъ къ національности, отличительными чертами коей всегда были храбрость и самопожертвованіе, и польскій народъ можетъ гордиться тѣмъ, что его соотечественникъ соединилъ свой чисто идейный подвигъ со славнымъ дѣломъ русской женщины.

*) Судя по описанію его, сдѣланному мнѣ героиней, это былъ интеллигентный человѣкъ, очень бѣдно одѣтый, и по догадкамъ А. И. Юдиной принадлежалъ къ категоріи ссыльныхъ.

I.

Анастасія Исаевна Юдина, въ дѣвицахъ Делярова, дочь солдата, родилась въ одной изъ деревень Томской губерніи, въ 1871 году; такимъ образомъ во время осады Благовѣщенска ей шель тридцатый годъ. Выросла она въ Томскѣ, въ богатой семьѣ, на положеніи воспитанницы и на столько тяжеломъ, что на тринадцатомъ году вынуждена была тайкомъ бѣжать отъ своихъ благодѣтелей. Съ этихъ поръ и началась ея трудовая, исполненная горя и заботъ жизнь. На 16 году вышла она замужъ за крестьянина Константина Давыдовича Юдина и поселилась сначала въ деревнѣ, а потомъ въ Благовѣщенскѣ, гдѣ принялась трудиться о хлѣбѣ насущномъ. Она оказалась дивной работницей: сама жала, боронила, землю возила, огороды копала, въ кухнѣ стряпнею занималась, дѣтишекъ обшивала, на охоту хо-

дила, отлично плавала и умѣла съ лодками обращаться. Рѣдко здоровая ея натура отъ жизни этой еще болѣе окрѣпла; словомъ, это была настоящая сибирячка, умѣющая смѣло смотрѣть въ лицо нуждѣ и брать ее, какъ быка за рога.

Съ десятокъ лѣтъ прожила такъ она, работая, не покладывая рукъ, когда въ домъ къ нимъ счастье привалило. — Нѣтъ въ Сибири крестьянина, который бы не искалъ золотоносныхъ жилъ, и мужъ ея Юдинъ не былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Послѣ долгихъ, бесплодныхъ поисковъ судьба ему улыбнулась, и золото попало къ нему въ руки

Тутъ сразу, какъ въ сказкѣ, картина перемѣнилась. Бѣдность и труды смѣнились богатствомъ и довольствомъ. Въ Благовѣщенскѣ появились три дома съ роскошной обстановкой, на конюшняхъ — дорогіе рысаки, цѣлыя усадьбы на пріискахъ — словомъ все то, что дѣлаетъ человѣка празднымъ, лѣнивымъ, эгоистомъ и безсердечнымъ гордецомъ. Но надо правду сказать, ни одна изъ этихъ чертъ не привилась къ Анастасіи Исаевнѣ. Она осталась скромной, готовой помогать всѣмъ, кто только къ ней ни обращался, труженицей дома, а подвигами своими во время осады города составила гордость всѣхъ русскихъ женщинъ.

Когда мнѣ, въ бытность мою въ Благовѣщенскѣ, сообщили ея адресъ и сказали, что она живетъ въ собственномъ домѣ, уже это извѣстіе показалось мнѣ страннымъ: какъ это мать дѣтей и собственница такъ рисковала своей жизнью? По проскользнувшимъ въ печать отрывочнымъ извѣстіямъ Юдина пред-

ставлялась мнѣ какою то бездомной, бѣдной работницей, можетъ быть, подѣ влияніемъ Бахуса, пошедшей на смерть, потому что терять ей было нечего. Удивленіе мое возрасло, когда я очутился въ обитой бархатомъ и штофомъ гостиной, устланной дорогими коврами, передъ дамой, въ модномъ, отдѣланномъ кружевами, утреннемъ костюмѣ. Большихъ трудовъ стоило мнѣ уговорить ее, сообщить про все, что она сдѣлала. Долго не хотѣла этого героиня, говоря, что ей совѣстно про такіе пустяки рассказывать, что къ ней „сочинитель изъ Москвы три дня подѣ рядѣ ходилъ, все упрашивалъ, да она такъ, и не согласилась“.

Что тутъ было дѣлать, пришлось прибѣгнуть къ психологической уловкѣ.

— Ну, говорю, сочинителю можно было отказать, а боевому товарищу нельзя: самъ я былъ недавно въ осадѣ—расскажу вамъ про свою, а вы мнѣ про вашу.

Хитрость удалась: Анастасія Исаевна смягчилась и заявила:

— Да, это дѣйствительно: сотоварищу боевому никакъ нельзя отказать, и она описала мнѣ все, что съ ней было. Рассказъ ея былъ на столько живъ и образенъ, что мнѣ жаль было его испортить, переиначивая, почему я и оставилъ его такимъ, какимъ слышалъ изъ устъ героини. Вотъ онъ.

II.

— Занималась я втораго Іюля, часовъ въ шесть вечера, у себя на кухнѣ по хозяйству, вдругъ слышу крики и стрѣльбу по моему расположенію *)

*) Вѣроятно г-жа Юдина хотѣла этимъ сказать, что стрѣльба слышалась ей вблизи ея дома.

и подумала: должно, на военномъ полѣ солдатъ учать; тутъ вспомнилось мнѣ, что деверь у насъ забрать новобранцемъ, и что проводить его надобно. Собрала я ему закусокъ, хлѣбца и повезла въ казарму. Только я изъ воротъ недалеко отъѣхала, рота солдатъ идетъ, а съ ней и деверь; всѣ мнѣ кричатъ: „Куда вы, васъ убьютъ!“

Передала я гостинецъ деверю моему и повернула обратно домой: вижу, бѣгутъ рускіе, молокане; шумъ, крики, плачь; кто дѣтей тащить за руки, кто падаетъ, кто узлы теряетъ, а пули сыпятся, какъ градъ, но все не вредимо.

Кучеръ, что меня везъ, гналъ лошадь во всю мочь, пересѣкая Американскую улицу, на Амурскую. Только сдѣлали поворотъ, перелетѣла черезъ насъ картеча *) и разорвалась. Тутъ поднялась кругомъ страшная суматоха, и всѣ хватили нашихъ китайцевъ и собирали ихъ въ одну кучу.

Скотъ откуда то побѣжалъ намъ на встрѣчу, распуганныя лошади носились по улицѣ.

Много народа и бабъ плакали и причитали. Повстрѣчались и нѣкоторые знакомые, все кричали мнѣ:

„Куда ты, Юдина? поѣзжай за нами, изъ города вонъ, поскорѣючи!“

А я всѣмъ имъ въ отвѣтъ говорила:

— Умирать все равно, гдѣ бы ни было, если Господь не захочетъ спасти насъ! и отправилась къ своему дому и къ дѣтямъ.

Подъѣзжаю домъ пусть; дѣти сидятъ, плачутъ, и гляжу я въ окно, везутъ ко мнѣ во

*) Граната.

дворъ чловѣка. Присмотрѣлась—вижу, зять мой, вдовецъ съ четырьми дѣтями; у Шадрина *) онъ работалъ на заводѣ: его зашибло лѣсиной сверху; китайской картечей ее снесло.

Я думала, что онъ пріѣхалъ насъ, одинокихъ, отъ враговъ нашихъ защитить, потому какъ мужъ мой въ отлучкѣ на пріискахъ въ ту пору былъ, а тутъ, на мѣсто того, пришлось мнѣ его убогаго и убитаго съ маленькими дѣтьми встрѣтить.

Вотъ я оглянулась кругомъ на дворѣ, осмотрѣла зашибленнаго, потомъ опять въ домъ заглянула и рѣшила больнаго въ амбаръ пока положить.

Собрала я на дворѣ, служанку, горемъ убитую старушку, свекровку, сиротокъ всѣхъ нашихъ въ кучку и сказала имъ:

— Будемъ защищать матушку Русь и Царя нашего, до капли крови! Слушайте, дѣтки мои, и вы сиротки, станьте на колѣни и помолитесь Богу; вы видите, что изъ города всѣ бѣгутъ, а мы будемъ съ терпѣніемъ дожидаться окончанія жизни, и, можетъ быть, Господь защититъ насъ грѣшниковъ отъ враговъ!

Въ это время моленія моего съ дѣтьми слышался страшный грохотъ, все же я не поднялась съ дѣтьми съ колѣнъ.

Только слышу стонъ сзади сиротъ; это отецъ ихъ застоналъ; тутъ я очнулась, съ моленья встала, оглянулась и сказала сиротамъ Сдѣлайте по поклону и вставайте, пособите отца своего унести ко мнѣ въ амбаръ. Отнесли мы больнаго туда, я говорю дѣтямъ и прислугѣ:

*) Мѣстнаго золотопромышленника миллионера.

— Оставайтесь съ Богомъ, а я пойду принесу ему изъ аптеки лекарства.

Тутъ сироты всѣ за меня схватились и кричать:

— Куда ты насъ оставляешь, тебя убьютъ, а насъ и кормить некому будетъ. Тятюку лѣсомъ зашибло, а мама у насъ четвертый годъ въ землѣ лежитъ; ты наша покровительница и защитница, и другіе люди будутъ плакать по тебѣ также, какъ и мы. Больше не найти намъ такой матери, какъ ты!

А я имъ сказала:

Дѣточки, вы не плачьте, просите Бога, чтобы онъ меня сохранилъ. Я пойду для отца вашего достать лекарства, чтобы Господь далъ ему полегче!

Успокоила я дѣтей и обратилась къ своей приживалкѣ, Евдокіи Ивановнѣ Катышевой, она стояла въ это время вмѣстѣ съ нами:

— Не плачьте и не безпокойтесь, говорю ей: соберите нѣсколько штукъ бѣлья для похода, хлѣба, вещи всѣ, самыя дорогія, чтобы для чернаго дня было, хотя немного.

Она въ это время оборачивается ко мнѣ и говорить.

— Бѣжимте, Настасья Исаевна, вмѣстѣ съ дѣтями, мы тебя одну не пустимъ: умремъ вмѣстѣ.

Тогда я повелительнымъ голосомъ ей сказала:

— Евдокія Ивановна, не будьте такъ слабы! а она мнѣ говорить:

— Кто насъ защититъ безъ тебя? Я ей отвѣтила:

— Навѣрно меня Богъ спасеть, покамѣсть я хожу въ аптеку больному за лекарствомъ; а она мнѣ говоритъ:

— Ты видишь, какъ пули летятъ и стучать объ нашу крышу?

Я ей отвѣтила:

— Молчи, сострой-ка лучше поскорѣе костюмъ мнѣ мужской. Я буду вашимъ защитникомъ, буду спасать васъ, пока враги не пронзятъ мою грудь, и послужу еще, можетъ быть, святой Руси и Царю батюшкѣ.

Тутъ я повернулась, благословила сиротъ и дѣтей и сказала:

— Оставайтесь съ Богомъ и не бойтесь; сама перекрестилась, на сердцѣ, какъ камень лежалъ, и отправилась скорыми шагами изъ дома своего. Уходя, сказала Евдокіи Ивановнѣ:

— Запри ворота и никого не пускай вплоть до меня; дѣтямъ ни шагу не давай изъ дому.

III.

Когда захлопнулись за мною ворота, перекрестила я домъ и себя, а пули такъ и свищутъ кругомъ. На улицѣ только кое гдѣ собаки съ воемъ подъ стѣнками пробираются. Пока шла я къ аптекѣ, попадались мнѣ женщины съ ребятами: плачутъ на взрыдъ!

Скрѣпя сердце, пересѣкла я улицу, тутъ пуля провизжала, а бѣжавшая передъ мною женщина; должно отъ нея, упала.

Я подбѣжала къ ней, вижу, ранена, и пособила ей завязать ногу, потомъ оттащила ее

къ сторонкѣ, за заплоть *). Но какъ у меня свое горе было, то и позабыла спросить у нея фамилію и адресъ, куда ее отправить; сама же, наконецъ, добралась до аптеки съ трудомъ. Насилу и аптечниковъ то разыскала и говорю имъ:

У меня больной умираетъ! а тѣ въ отвѣтъ:
— Какое теперъ лекарство, до того-ли!

Но я настояла, чтобы мнѣ аптечникъ поскорѣе лекарства выдалъ.

Видя мое несмущеніе, онъ оживился, скоро все изготовилъ и говоритъ:

— Какъ это вы сейчасъ пойдете: видите, какая стрѣльба?

А я ему отвѣтила:

— Убить вездѣ убьютъ, смѣлымъ Богъ воленъ, и, выйдя изъ аптеки отправилась по Береговой улицѣ посмотрѣть, что тамъ творится. Иду и вижу, китайцы бѣгутъ. Забывши, что это наши, вообразила я себѣ, что уже не-пріатели перешли на нашу сторону!

Тутъ упала я на колѣни и сказала:

— О, Господи, услышь мою молитву и защити всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ! опомнилась я только, когда выстрѣлы опять пробудили мои чувства.

Встала я и отправилась скорыми шагами по Большой улицѣ къ своему дому, на Амурскую. Повертываю на Садовую, слышу, летитъ, жужжить что то такое, а въ это время въ нашихъ картеча упала не подалеку отъ меня, но не разорвалась, потому что Царица Божья Матерь **) защищала всюду насъ грѣшниковъ.

*) Заборъ—на сибирскомъ жаргонѣ.

**) Албазинская, покровительница Благовѣщенска.

Поглядѣла я на бомбу и сказала: Ахъ вы враги наши, Господь васъ усмирить и нашему Царю поможетъ; у него силы больше! а сама продолжаю шагать; дохожу до своего дома, даю звонокъ, и въ страхѣ отворяетъ Евдокія Ивановна.

— Слава Богу, закричала, ты жива и невредима! Бросилась она меня цѣловать и рассказала.

— Устроила я вамъ костюмъ мужской, по распоряженію вашему.

На эти слова, отвѣтила я, что очень хорошо она сдѣлала, позвала ее лечить нашего больного, и отправились мы оба къ нему. Дала я лекарства, выхожу изъ амбара, женщина одна входитъ, что дѣвочку свою мнѣ прикинула.

— Барыня, я къ вамъ, говорить: дите свое взять; съ ней вмѣстѣ помирать буду, такъ что теперь намъ не жить; всѣмъ конецъ пришелъ!

Что я ее ни уговаривала, чтобы она дѣвочку оставила, она ее увела. Осталась въ домѣ я, старыя, да малыя.

Грустная тутъ была картина: сидятъ дѣтки, подгорюнились.

— Мамочка, мы скоро умремъ, и ты умрешь говорить всѣ въ голосъ.

Я на это отвѣтила имъ:

— Молитесь Богу и просите Царицу Небесную спасти насъ!

Потомъ предложила я имъ, не хотятъ ли поѣсть.

Маленькія не отказались, а большія сказали, что не хотятъ.

Тогда обратилась я къ Евдокіи Ивановнѣ и говорю:

— Ну покажи же что ты мнѣ сварганила
шибко скоро такъ?

Та сейчасъ же оборачивается и выносить
пинжачокъ, рубашку и, изъ моего же платья,
шароварчики и говоритъ:

— Получите, нашъ герой!

Дѣло было уже около девяти часовъ вече-
ра, я взяла и давай переодѣваться; надѣла на
себя кинжалъ, револьверъ и ружье въ руки
взяла, послѣ того выхожу изъ спальни къ дѣ-
тямъ и говорю имъ:

— Теперь могу васъ защищать!

Сидятъ они всѣ такія печальныя, а кто то
не призналъ и кричитъ:

— Мамочка, мамочка, солдатъ къ намъ за-
шелъ!

А другіе вскричали:

— Нѣтъ, это не солдатъ, а мама наша!

И общій смѣхъ въ душахъ дѣтскихъ уны-
лыхъ начался, оборачиваюсь я къ Евдокіи Ива-
новнѣ и говорю:

— Ну, какъ, могу я быть защитникомъ ва-
шимъ?

А она мнѣ въ отвѣтъ:

— Хоть куда молодецъ, ну какъ на муж-
чину похожа!

Тутъ благословила я дѣтей и говорю:

— Оставайтесь съ Богомъ, теперь я иду въ
ложементъ защищать отечество!

Отправилась я; иду по улицамъ, тишина
вездѣ, стрѣльба призатихла. Въ ночной тиши-
нѣ подхожу къ набережной, вижу, копошится
народъ: роютъ закрытія, потому какъ съ шести
до девяти огонь былъ открытъ съ непріятель-

ской стороны, то всѣхъ насъ застали врасплохъ. Прошла я по набережной, по бульвару, къ губернаторскому дому и вижу, что тоже роютъ ложементы добровольцы, каждый ямку *) для себя. Нашлась и для меня лишняя лопата, думаю, и мнѣ надо защитить себя: взяла ее и начала рыть.

Такъ какъ мѣсто было каменистое, то къ двѣнадцати часамъ ночи вырыла я всего половину роста человѣческаго. Была тутъ на мнѣ шапочка бѣленькая; только подходитъ ко мнѣ офицеръ, Золотаревъ по фамиліи, и говоритъ:

— Доброволецъ, нельзя быть въ бѣлой фуражкѣ, васъ такъ убьютъ.

— Слушаю, говорю, ваше благородіе: сейчасъ перемяню. Побѣжала домой, шапку перемянчила, на дѣтокъ взглянула: всѣ снять; перекрестила ихъ, лампадки поправила, и ходу скорѣе назадъ въ ложементъ. Тутъ я до шести часовъ, утра, какъ и всѣ добровольцы, прокараулила.

А офицеръ потомъ сказывалъ:

— Фу ты, да это дама была, а я и не призналъ въ темнотѣ! По голосу только послѣ догадался.

Съ утомленною душою поднялась я изъ ложементовъ своего, потому незнамый какой то доброволецъ запримѣтилъ, что больно я умаялась и говоритъ мнѣ:

— Ну, братъ, выходи я за тебя покараулю.

Взяла я ружье и сказала на эти его слова:

— Оставайся, братъ, служи батюшкѣ Царю

*) Я объѣхалъ всѣ эти ложементы: на нихъ смѣшно и грустно было смотрѣть. Видно, что ни умѣнья, ни средствъ вырыть ихъ прилично не было, и некому было и научить народъ.

вѣрно, и пошла домой. Пришла я къ себѣ, позвонила; дѣти мнѣ отворили, всѣ уже не спали, радуются:

— Мамочка, мамочка, мы думали, что тебя китайцы убили, что нѣтъ тебя живой больше! А я, какъ была больно уставши, упала на стулъ и сказала Дунѣ:

— Дай мнѣ воды или молока; нотомъ дѣтей приласкала и успокоила:

— Славу Богу, говорю, мама ваша жива! Раздѣлась я кое какъ, добралась до постели своей и заснула, какъ убитая.

Но не больше, какъ часа два спала, проснулась, пошла къ больному, часовъ до одиннадцати прокопалась съ нимъ, а часовъ съ двѣнадцати опять открылся огонь съ китайской стороны. Накормила я дѣтей, прибралась и часовъ около пяти говорю Катышевой.

— Пойдемъ, Дуня, смерть не страшна: на битвы полѣ лучше, чѣмъ въ стѣнахъ, умереть. Согласилась со мной она, и пошли мы, а дѣтей и больнаго оставили на свекровку и наказали ей—дѣтей, ни Боже мой, не выпускать изъ дому, а ворота открывать по условленному, по тремъ звонкамъ.

Вотъ пошли мы по улицамъ: кое гдѣ попался намъ народъ кучками, по 5—6 человекъ, запрятавшись по угламъ, всѣ кричатъ въ голосъ:

— Умремъ мы скоро, невозвратный нашъ городъ!

— Молитесь Богу, отвѣчала я имъ: Онъ милостивъ и насъ не оставитъ. Точно какъ сердце мое чувствовало, что Благовѣщенскъ цѣль будетъ! А мнѣ въ отвѣтъ: Ахъ и что ты за безстрашная, тетка: по улицамъ ходишь!

Пересѣкли мы Большую улицу и вышли на площадь. Дуня едва за мною тащилась, потому ноги у ней очень болѣли, а стрѣльба все не переставала. Поравнялись мы съ середкой площади, смотрю возлѣ Чуринаго дома *) и за Царскими воротами **) народу стоитъ человѣкъ сто, спрятавшись. Подхожу къ толпѣ думаю, не узнаю ли чего новаго за цѣлый день.

А мнѣ на встрѣчу голоса:

— Ахъ ты, вотъ такъ штука, мадамъ Юдина на войну вышла!

А я имъ въ отвѣтъ сказала:

— Ежели придется, такъ за Русь святую съумѣю постоять, и встала, какъ разъ, противъ торговаго дома.

Въ этотъ моментъ вывертывается на конѣ частный приставъ 2-го участка, господинъ Залетаевъ, и начинаетъ опрашивать людей:

— Господа, не желаетъ ли кто изъ васъ доброе дѣло сдѣлать, для Царя батюшки послужить: доставить всѣ лодки, сколько есть на берегу, къ интенданской пристани.

Никто на эти его слова не отозвался. Тутъ явился командиръ добровольскій, г. Зиновьевъ, и тоже сталъ просить всѣхъ, чтобы постарались доставить эти лодки, куда слѣдуетъ. Но никто изъ толпы не находился. Я около него въ это время стояла и слушала, и чтобы воодушевить народъ, спрашиваю. Куда эти лодки и для чего надобны, чтобы знать, за что смерть принимать придется: а онъ мнѣ въ въ отвѣтъ? Убирайтесь, дамъ здѣсь не нужно!

Тутъ сердце и кровь во мнѣ закипѣли:

*) Большой мануфактурный складъ въ Благовѣщенскѣ.

**) Въ честь посѣщенія Наслѣдника Цесаревича въ 1891 г.

Какъ не нужно? закричала я: когда мущины не идутъ, я, дама, могу отправиться и съумѣю помереть за Россію: Чиновникъ увидѣлъ, что отступитья я не желаю, и волей неволей объяснилъ мнѣ, что нужны эти лодки для перевозки войскъ на китайскую сторону, а приготовить ихъ надо къ ночи, чтобы для солдатъ, какъ туда ѣхать, большаго урону не было.

Попросила я его показать мнѣ, которыя лодки нужны, и, благословясь, спустилась съ тротуара, а за мной Дуня. Оглянулась я назадъ на народъ и кричу:

— Ребятки, пойдите всѣ вмѣстѣ; переправимъ лодки въ разъ? Но никто съ мѣста не сдвинулся, окромѣ двухъ, трехъ человекъ, одинъ изъ нихъ, полякъ, сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ, пани, ты безстрашная: съ тобой и умереть весело!

Потомъ онъ одинъ только со мною и остался: другіе куда то исчезли.

Огонь стрѣльбы не переставалъ, а все болѣе разгорался, и двинулась я впередъ съ радостной душой: позабыла все вокругъ себя, забыла дѣтей и родныхъ и только думала, какъ бы доставить пособилъ Господь лодки для спасенія города.

Въ это время долетѣли до меня насмѣшки, брань, свистъ:

— Вонъ юбка пошла лодки доставлять!

— На берегу, за камень заляжетъ!

— На дно къ рыбамъ на ужинъ пойдетъ!

— Китайская пули въ глазъ ей потрафить!

— Ишь ты с...: тоже выискалась!

Слушала я все это, но шла бодро и о томъ только думала, чтобы Царица Небесная спасла насъ и всю Русь!

V.

Спустились мы на берегъ; Первыя лодки у купальной стояли: тринадцать тутъ ихъ было. Привязали мы съ Евдокіей Ивановной двѣ лодки съ боку, сами въ третью сѣли и сплавили ихъ къ мѣсту.

Тутъ я Катышеву домой отправила, потому какъ ноги у ней очень больны были, и осталась я на берегу одна, да полякъ со мной.

Отправились мы за другими лодками, а огонь съ того берега все сильнѣе разгорался, пули летѣли надъ головой и все въ камни били, но все же, при всѣхъ этихъ неудобствахъ, тринадцать лодокъ доставили мы въ назначенное мѣсто. Трудно это было, потому по три лодки пришлось сразу плавить—да и берегъ нашъ весь былъ заставленъ пароходами и баржами, и какъ вода была малая, то лодки пришлось подъ китайской стороной проводить, да еще допрежъ того изъ подъ сходней и изъ за пароходовъ выручать.—Нашли мы лодки безъ весель, и трудно мнѣ было съ однимъ весломъ, которое въ мои руки не упомѣщалось, да за двѣ версты ихъ доставлять, а оттоля пѣшкомъ по камнямъ идти.

Какъ кончила я эти лодки, то съ усталости, съ разбитою душою хотѣла на берегъ подняться, но тутъ встрѣчаю человѣка, городского, который мнѣ кричитъ:

— Мадамъ Юдина, вы не доставили еще самое главное: шаланды отъ стараго товарищества къ новому!

— Тутъ силы ко мнѣ снова возвратились, бодрость меня проняла, потому увидѣла я, что полезной оказалась для Руси матушки: пошла я назадъ и принялась за работу.

Тяжело достались мнѣ эти шаланды. Давай мы ихъ изъ подъ сходней паракордскихъ, да изъ за баржей выручать, но достигли свое число и связали три шаланды вмѣстѣ.—Оказался въ одной шесть корявый, отколотый, да два весла; толсты больно по рукамъ мнѣ были; скажу прямо, въ теперешнее время не хватило бы у меня ни силушки, ни волюшки, ну а тогда откуда что бралось, сама себѣ дивилась.

Пули все кругомъ, какъ пауты *), жужжали, но все же кое какъ справлялись мы, хотя изъ силъ совсѣмъ стали выбиваться; полякъ, что со мною былъ, говорить:

— Ой, пани, не уйдемъ отсюда живыми!

Въ это время просвистѣла пуля и ударила въ нашу лодку; тутъ, помню, я сказала:

— Летите вражьи пули мимо, а не въ насъ! нагнулася, подняла пулю и положила ее въ карманъ.

— Охъ, какъ тяжело перечувствовать опять все то, чему очевидицей пришлось быть!

Опять мимо ушей у меня пули просвистѣли, и вѣтеръ поднялся вдругъ и погналъ наши лодки назадъ. Все же выбрались мы изъ за парокордскихъ и провели за губернаторскій домъ. Все веслами работали.

Но вѣтеръ сталъ опять осиливать, тогда я на ноги встала, взяла шесть и имъ работать начала. Въ это время просвистѣла не роковая **) пуля и насквозь мое платье прохватила.

*) Сибирскіе большіе оводы.

**) Когда я просилъ объяснить, какъ она понимаетъ это выраженіе, Анастасья Исаевна сказала мнѣ: потому не роковая, что попала, да не убила.

Подплывали мы уже въ берегу, какъ опять въ меня пуля. Помощникъ мой тутъ закричалъ:
— Ой, панушка, убили тебя!?

А я подумала, что въ него пуля попала, бросилась къ нему и, осмотрѣвъ, увидѣла, что цѣль онъ и невредимъ.

Онъ же мнѣ говоритъ:

— Нѣтъ, это васъ поранило.

Но тутъ увидѣли мы что у меня опять юбку прострѣлило. На берегъ то я пошла въ женскомъ платьѣ.

Пока мы осмотровъ занимались насъ теченіемъ назадъ снова понесло. Тутъ я опомнилась, схватила шесть и начала отъ камня отбиваться. Ничего справились кое какъ. Стали лодки подводить, страшно неудобно было это изъ за пароходовъ, а ружейный и пушечный огонь еще пуце продолжался.

Поторопилась я скорѣе къ берегу пристать и хотѣла опереться шестомъ во дно рѣки, но онъ до дна не досталъ: оказалось глубоко, и я вмѣстѣ съ шестомъ изъ лодки кувырнулась и пошла ко дну. Но Господь помогъ мнѣ выправиться: я одной рукой за шесть ухватила, другою за лодку и впрыгнула на нее; полякъ меня тутъ подхватилъ и втащилъ.

Опять стала я вновь работать; руки мои тряслись, и вся я изнемогала, къ тому же жара и духота страшная стояли, но Богъ помогъ добраться до назначеннаго мѣста.

Соскочила я съ лодокъ на берегъ, но не могла удержаться на ногахъ и, какъ снопъ, свалилась на землю и пролежала такъ нѣсколько минутъ. Тутъ полякъ мой на меня водой побрызгалъ и въ чувство привелъ, а какъ опом-

нилась я, сталъ со мною прощаться, руку мнѣ поцѣловалъ и сказалъ:

— Прощай, милая пани, останемся мы съ тобой теперь навсегда товарищами.

Разчувствовалась я, заплакала, пожалала ему дружески руку и пошла потихоньку въ гору къ ложементамъ. И такъ разстроившись я была, что позабыла у товарища моего, что меня въ бѣдѣ не оставилъ, фамилію спросить, такъ съ тѣхъ поръ его и не видѣла. Не знаю, кто онъ былъ и что съ нимъ случилось.

Не успѣла я подняться, какъ по волосамъ меня пуля задѣла и ранила неподалеку отъ меня какого то добровольца.

Подошла я къ раненому осмотрѣла рану и пособила ему руку платкомъ перевязать, послѣ чего съ усталою душою отправилась къ ложементамъ

Когда я съ ними поравнялась, всѣ офицеры, казаки и добровольцы закричали мнѣ „ура“ до трехъ разъ и сказали:

— Да здравствуетъ наша Сибирь, нашими русскими сильными женщинами!

Въ это время подошелъ ко мнѣ офицеръ, господинъ Золотаревъ и, взявъ меня съ пожатіемъ за руку, сказалъ мнѣ:

— Честь и хвала вамъ, что съумѣли постоять за Царя и Отечество!

И снова „ура“ раздалось, а онъ, обратясь къ добровольцамъ, сказалъ:

— Вотъ вамъ, ребята, примѣръ, какъ женщина за родной городъ постояла, такъ какъ же намъ то его не защитить!

VI.

Отдохнула я немного въ ложементѣ и отправилась домой; прохожу мимо Чуринаго дома и опять на ту самую толпу наткнулась, что дѣлать ничего не хотѣла, стоя за каменными стѣнами, а надо-мною посмѣяться съумѣла.

И опять они стали издѣваться:—Ишь какъ ее лодки виномъ напоили, что едва идетъ! Дѣйствительно, я на пьяную была похожа, потому вся въ песокъ, въ глинѣ вывалялась, платье на мнѣ, хотъ выжми, а устала такъ, что еле плелась. Поневолю за пьяную сойдешь, когда я цѣлыхъ полторы сутки была не ѣвши и такую массу лодокъ сгруппировала противъ воды на разстояніи не меньше двухъ верстѣ.

Слушала я всѣ эти пошлости и насмѣшки людскія, но не до нихъ мнѣ было: все думала о малюткахъ своихъ, не случилось ли чего съ ними.

Но все же отъ этой брани я поскорѣе въ пустую улицу свернула. Здѣсь тишина была, и кругомъ мертво, только и слышны были свистъ отъ китайскихъ пуль и гулъ отъ пушекъ нашихъ и китайскихъ.

Добралась я до перваго попавшагося тротуара и присѣла отдохнуть, а сердце такъ бьется, какъ будто выскочить хочеть.

Тутъ я испугалась: неужели надсадилась.

Ну чтожъ за это, что мнѣ пришлось, и умереть не грѣхъ! подумала, и тутъ снова ко мнѣ бодрость вернулась; поднялась я и скорыми шагами направилась къ дому.

Надо было торопиться, чтобы отдохнуть, на дѣтокъ взглянуть, да въ мужской костюмъ переодѣться и отправиться на ночь въ ложементъ, чтобы враги наши не подкрались ночью на нашу сторону.

Съ этой думой добралась я до своей улицы и вижу, что передъ домомъ моимъ толпа народу собралась. Опять сердце мое надорвалось, и ноги у меня подкосились, подумала:

Вѣрно несчастье какое у меня случилось: можетъ, дѣтокъ моихъ убило!

Добѣжала я кое какъ, гляжу, какіе то оборванцы, человѣкъ около сорока, ломаются въ ворота и кричатъ:

— Отворяйте! вы запрятали китайцевъ, а нѣкоторые голосятъ:

— Бейте окна, рубите двери!

Тутъ я подхожу и говорю:

— Господа, что вамъ угодно? Здѣсь китайцевъ нѣтъ, я хозяйка дома и въ томъ ручаюсь.

Тутъ изъ толпы послышались голоса:

— Она все вретъ! Убить ее, убить!

Тутъ со страхомъ смертнымъ поклялась я, что сейчасъ ворота откроютъ.

— Только не бейте меня, говорю: пожалѣйте дѣтокъ моихъ малыхъ!

Изъ толпы послышались голоса:

— Пусть откроютъ ворота, тогда увидимъ, есть ли у ней китайцы.

Пропустили меня къ воротамъ, подала я три звонка по условію, только выходитъ Дуня моя, какъ полотно блѣдная и едва молвитъ:

— Барыня убить насъ хотятъ, дѣти все перепугались, въ амбаръ спрятались, а свекровь въ печь на кухнѣ со страху залѣзла.

— Но, что ты тамъ толкуешь? некогда намъ тебя слушать; закричали на нее, и вся толпа въ калитку хлынула; кто то завопилъ:

— Лжетъ она, безпремѣнно у ней зарыты китайцы убитые, а деньги себѣ взяла.

Послѣ этихъ словъ, кто на вышку бросился, кто въ домъ; стали разбрасывать вещи; тащить, что попало.

Господа, что вы дѣлаете? говорю: нѣтъ у меня китайцевъ!

А мнѣ кричатъ:

— Но, но заговорила, не желаешь ли на штыкѣ побывать!

Подумала я тутъ:

Нельзя говорить съ этими звѣрями: нѣтъ у нихъ ни сердца, ни совѣсти: воспользовались, что весь городъ опустѣлъ, собрались шайками подъ фирмой, что китайцевъ разыскиваютъ, да и грабить принялись.

Выскочила я изъ толпы въ домъ, схватила револьверъ большой вышла, на крыльцо и говорю;

— Если не уйдете, негодяи, добромъ отсюда, буду стрѣлять, а живая не дамъ вамъ домъ раззорять и въ этотъ моментъ выстрѣлила на воздухъ. Тутъ крикъ поднялся.

— Колите ее, штыками!

Тогда я Дуню въ комнату втокнула и вскричала: Чья нога сюда ступить, изъ окна застрѣлю на мѣстѣ! Только на это изъ толпы голосъ раздался:

— Пойдемъ, ребята, мы еще у ней побываемъ, поищемъ китайцевъ лучше, и толпа вся съ бранью хлынула къ воротамъ. Набралась тутъ я вольнаго духа спустилась съ крыльца, задвинула заложку у воротъ, вернулась въ

комнаты, и тутъ уже силы меня совсѣмъ оставили; упала я на полъ и стала плакать, какъ малый ребенокъ.

Тутъ дѣти ко мнѣ прибѣжали, тоже плачуть:
— Мамочка, ты жива, тебя дяди эти били или нѣтъ?

Я не въ силахъ была даже имъ отвѣтить, а все думала:

Боже, за что ты кару такую на меня напустилъ!?

Тутъ скоро Дуня мнѣ встать помогла, до спальни довела и стала съ меня мокрое платье стаскивать и ботинки лаковые, что я по камнямъ всѣ продрала.

И тутъ вдругъ страшно стало мнѣ, что мужъ долго не ѣдетъ: онъ на приискахъ былъ. Кругомъ тамъ тоже китайцевъ много, можетъ и тамъ нападеніе сдѣлали, и его въ живыхъ нѣтъ, и одинъ пепель отъ народа русскаго остался!

VII.

Тутъ со мною бредъ сдѣлался и всю ночь продолжался; заснула я немного подъ утро, слышу, сквозь сонъ, подходить ко мнѣ свекровь и говорить:

— Тебя къ начальству требуютъ! А я ни рукой, ни ногой пошевелинуть не могу, такъ меня эти лодки отдѣлали: живаго мѣста нигдѣ нѣту.

— Дай мнѣ, говорю, чаю испить, а она въ отвѣтъ:

— Немедленно велѣно явиться въ контору водяныхъ сообщеній.

— Кое какъ поднялась я, умылась и говорю:

— Хотѣла послужить городу, доброе дѣло сдѣлать, а оказывается меня еще подѣ судѣ отдадутъ! Такъ мнѣ это, что меня позвали, съ устатку страшнымъ показалось.

Натянула я, кое какъ, перчатки на руки и отправилась.

Въ конторѣ меня бѣлая, какъ лунь, дама встрѣтила и спрашиваетъ:

— Вы, мадамъ Юдина?

Я отвѣчаю:

— Точно такъ.

— Вы героиня всего нашего амурскаго края!

— Чѣмъ могу служить? отвѣтила я.

Тутъ еще какія то дамы вышли, стали меня разширивать, ощупывать, похлопывать, на руки глядѣли, такъ что я ужъ уйти хотѣла, думаю, что я лошадь что ли?

Но тутъ одна барыня остановила меня, обняла, поцѣловала и говорить:

— Погодите, васъ спросить и записать все надо; похлопала она меня по груди и сказала:

— Вы будете за свой подвигъ Георгія на груди носить, и узнаетъ васъ вся Россія. Мы всѣ, женщины, восхищаемся вами.

Тутъ вышелъ г. Семирадскій *) и еще господа и поздравляли.

А дамы говорятъ мнѣ:

— Покажите намъ руки ваши? и стали стягивать перчатки. Тутъ пузыри у меня прорвались, и кровь брызнула; онѣ платки тонкіе повынимали и приложили мнѣ къ рукамъ. Тогда пришелъ г. Зиновьевъ и позвалъ меня въ кабинетъ:

*) Вѣроятно какой нибудь чиновникъ.

— Разскажите, какъ дѣло было? говорить. Тогда я отвѣтила:

— Вы напрасно меня спрашиваете, потому сами все видѣли и пригласили лодки эти выправить—а сначала еще говорили, что женщинъ здѣсь не надо. Объясните мнѣ лучше, зачѣмъ вы меня безпокоили и требовали къ себѣ: я совсѣмъ больна.

Тотъ извинился и сказалъ, что пригласилъ, чтобы записать и представить къ награждѣ.

Занесъ онъ въ книжку имя и званіе и говорить.

— До свиданія, наша героиня, защищайте и впредь насъ, также храбро!

Попрощалась я съ нимъ, иду по берегу, лежитъ вездѣ народъ въ ложементяхъ, нѣкоторые роютъ еще. Я скорыми шагами направилась туда, гдѣ сама копала, посмотрѣла и тамъ занято. Пошла домой своихъ успокоить: прихожу и говорю:

— Меня съ наградой поздравляли; посмотрѣла дѣтокъ, мужчиной опять переодѣлась, взяла ружье, да хлѣба кусокъ и пошла въ ложементы, а Дунѣ наказала:

Ежели опять какая опасность, бѣги ко мнѣ, я стрѣлюю прилечу, а пробуду тамъ до полночи, потомъ приду васъ провѣдать.

Отправилась на берегъ досидѣла до ночи, луна во всю свѣтила, сходила домой. Дуня проситъ меня: Отдохни, хоть часокъ съ нами?

А я ей говорю:

Ахъ, не толкуй мнѣ объ этомъ отдыхѣ: тогда онъ мнѣ будетъ, когда нехриста побѣдимъ, и отправилась опять на всю ночь въ ложементъ. Такъ продолжала я ходить еще съ недѣлю, пока мужъ и братъ не пріѣхали и въ то самое

время, какъ я съ войскомъ на ту сторону Амура собиралась.

Но мужъ мнѣ это строго настрого запретилъ, видя, что я едва хожу отъ всей войны этой.

Ну, какъ мужъ женѣ—голова, то перечить я ему не посмѣла и на томъ свои дѣла военныя и прикончила!

Нужно ли что нибудь добавлять къ правдивому, интересному и жизненному разсказу героини.

Въ немъ обрисованы яркими чертами все: тяжкая обстановка осады въ расплохъ мирныхъ жителей, отношеніе ихъ къ подвигу Юдиной, ея критическое положеніе въ теченіе многихъ часовъ, благородный образъ скромнаго ея помощника, коллизія героини съ властями и мѣстною знатю и, наконецъ, ея тяжелое нравственное состояніе, красной нитью проходящее черезъ разсказъ.

Прочитавъ его, русскія женщины могутъ съ гордостью сказать, что онѣ остались тѣми, какими ихъ воспѣлъ Некрасовъ, и вписать въ свой длинный мартирологъ имя Анастасіи Исаевны Юдиной!

Пароходъ „Адмираль Чихачевъ“
изъ Благовѣщенска въ Срѣтенскъ
на мели у дер. Бейтоново.

6 Іюня 1901 г.

СОЧИНЕНІЯ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

(продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ большихъ городовъ Россіи).

ИЗЪ КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ:

- Наша сила русскіе подвиги въ китайскую
войну Цѣна 1
Амурская героиня при осадѣ Благовѣщенска
(съ ея портретомъ) ” —
Съ трупами эпизодъ изъ Пекинскаго сидѣнья ” —
Въ осадѣ (съ рисунками) ” — ”

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ:

- Болѣзнь вѣка романъ въ 3-хъ частяхъ . . . Цѣна 1 р.
Изъ жизни. Очерки и рассказы ” 1 ”
Грунь повѣсть ” — ”
Отъ Варшавы до Константинополя—(переводъ съ французскаго съ предисловіемъ члена французской академіи Пьера-Лоти ” 1 ” —
Биографія В. В. Крестовскаго ” — ” — ”

ИСТОРИЧЕСКІЯ:

- Исторія Л.-Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка. Два тома in folio Цѣна 40 р., 20 и 10 р.
Война Абиссиніи съ Италіей Цѣна 2 р. — к.
Русская эскадра во Франціи въ 1893 г. ” 1 ” — ”
Памятка Гродненскаго гусара ” — ” 20 ”
Дочь Кекегольмскаго полка историч. очеркъ ” — ” 50 ”

Подъ редакціей того-же автора:

Собраніе сочиненій В. В. Крестовскаго—8 томовъ—10 руб.

Дозволено цензурою. Москва, 24 Августа 1901 г.